

«ЗАГОВОР» ФЕДОРОВА

После выступления членов собора власти не только не отменили опричнину, но и постарались укрепить ее изнутри. В самом начале 1567 г. царь забрал в опричнину Костромской уезд. Такой выбор объясняется достаточно просто. В этом уез-

де меры против «изменников» приобрели самый широкий размах. Первыми лишились земель в Костроме братья Адашевы, владельцы обширных костромских вотчин, а также их родня Ольговы, Путиловы и Туровы. Среди казанских поселенцев костромские дворяне составили одну из самых многочисленных групп. В их числе были Тыртовы, Сотницкие, Образцовы. Дворовым по Костроме числился князь Василий Рыбин-Пронский, казненный после выступления земских людей против опричнины в 1566 г.

Конфискованные в Костроме земли были использованы для помещения опричников. Остававшиеся в уезде землевладельцы не вызывали подозрений, а потому правительство избежало массового выселения помещиков из нового опричного уезда. В результате «перебора людишек» примерно две трети местных дворян попали на опричную службу. Численность опричного охранного корпуса сразу увеличилась с 1000 до 1500 человек.

Правительство не только расширяло границы опричнины, но и с лихорадочной поспешностью укрепляло важнейшие опричные центры, строило замки и крепости. Сначала царь Иван задумал выстроить «особный» опричный двор внутри Кремля, но затем счел благоразумным перенести свою резиденцию в опричную половину столицы, «за город», как тогда говорили. В течение полугода на расстоянии ружейного выстрела от Кремля вырос мощный замок. Его окружали каменные стены высотой в три сажени. На воротах, обитых жестью, было два резных разрисованных льва. У одного льва раскрытая пасть была обращена в сторону земщины, у другого — внутрь опричного замка. Между львами стоял двуглавый черный орел. Еще три черных орла венчали шпили замка. У Государева двора не было башен, и его стены не имели бойниц. Надо вспомнить, что опричный двор был спроектирован в то время, когда Грозный задумал примириться с земщиной и готовился объявить общую амнистию. Полагают, будто опричный замок был построен по образу Града Божьего, а летящий орел, украшавший его, заключал эсхатологическую символику — грядущее адское наказание в дни Страшного Суда.

Отъезд главы государства из Кремля вызвал нежелательные толки, ввиду чего Посольский приказ официально объявил, что царь выстроил себе резиденцию за городом для своего «государского прохладу». Если бы иноземцы вздумали говорить, что царь решил «разделиться» с опальными боярами, дипломаты должны были опровергнуть их и категорически заявить, что «делиться» государю не с кем.

Замок на Неглинной недолго казался царю надежным убежищем. В Москве он чувствовал себя неуютно. В его голове родился план основания собственной опричной столицы в Вологде. Там он задумал выстроить мощную крепость наподобие Московского Кремля. Опричные власти приступили к немедленному осуществлению этого плана. За несколько лет была возведена главная, юго-восточная стена крепости с десятью каменными башнями. Внутри крепости вырос грандиозный Успенский собор. Около 300 пушек, отлитых на московском Пушечном дворе, доставлены были в Вологду и свалены там в кучу. 500 опричных стрельцов круглосуточно стерегли стены опричной столицы.

Наборы дворян в опричную армию, строительство замка у стен Кремля, сооружение грандиозной крепости в лесном Вологодском крае в значительном удалении от границ и прочие военные приготовления не имели целью укрепление обороны страны от внешних врагов. Все дело заключалось в том, что царь и опричники боялись внутренней смуты и готовились вооруженной рукой подавить мятеж могущественных земских бояр.

Будущее не внушало уверенности мнительному самодержцу. Призрак смуты породил в его душе тревогу за собственную безопасность. Перспектива вынужденного отречения казалась все более реальной, и царь должен был взвесить все шансы на спасение в случае неблагоприятного развития событий. В частности, Иван стал подумывать о монашеском клобуке. Будучи в Кириллове на богомолье, царь пригласил в уединенную келью нескольких старцев и в глубокой тайне поведал им о своих сокровенных помыслах. Через семь лет царь сам

напомнил монахам об этом удивительном дне. Вы ведь помните, святые отцы, писал он, как некогда случилось мне прийти в вашу обитель и как я обрел среди темных и мрачных мыслей «малу зарю» света Божьего и повелел неким из вас, братии, тайно собраться в одной из келий, куда и сам я явился, уйдя от мятежа и смятенья мирского; и в долгой беседе «аз, грешный» вам возвестил желание свое о пострижении: тут «возрадовался скверное мое сердце со окаянною моею душою, яко обретох узду помощи Божия своему неводержанию и пристанище спасения». Гордый самодержец пал в ноги игумену, и тот благословил его намерения. «И мне мнится, окаянному, что наполовину я уже чернец», — так закончил царь Иван рассказ о своем посещении Кириллова.

Грозный постарался убедить монахов в серьезности своих слов и тотчас пожертвовал им крупную сумму, с тем чтобы ему отвели в стенах обители отдельную келью. Келья была приготовлена немедленно.

Несмотря на все старания сохранить в тайне содержание кирилловской беседы, слухи о намерениях царя дошли до земщины и произвели там сильное впечатление. Влиятельным силам земщины пострижение Грозного казалось лучшим выходом из создавшегося положения. Они не питали более сомнений насчет того, что без удаления царя Ивана нечего думать об уничтожении опричнины.

Между тем литовцы готовились к новой кампании против России. Не надеясь сокрушить противника силой оружия, они строили расчеты на использовании его внутренних затруднений. Будучи осведомлены об усилившихся трениях между опричниной и земщиной, литовцы попытались ускорить выступление недовольных и обратились с тайными воззваниями к главным руководителям земщины — Челяднину, Бельскому, Мстиславскому и Воротынскому. Ввиду того что Воротынский по милости царя сидел в тюрьме (он только что получил свободу), литовцы возлагали на него особые надежды. Удельный князь должен был возглавить вооруженный мятеж. Король обязался прислать ему в помощь войска и передать во вла-

дение все земли, которые будут отвоеваны у царя. Чтобы ускорить дело, король послал в Россию в качестве лазутчика старого «послужильца» Воротынских Козлова, ранее бежавшего в Литву. Лазутчик пробрался в Полоцк, где находился Челядин, и вручил ему письма.

Планы вооруженного мятежа в земщине были разработаны в мельчайших деталях. Но исход литовской интриги полностью зависел от успеха тайных переговоров с конюшим. Согласится ли опальный воевода использовать весь свой громадный авторитет для того, чтобы привлечь к заговору других руководителей земщины, или откажется принять участие в затеянной аванюре и выдаст лазутчика властям — этим определялись дальнейшие события. Воевода пограничной крепости мог без труда бежать в Литву, куда его настойчиво звал король. Но он не пожелал последовать примеру Курбского и, по-видимому, сам выдал царю лазутчика. Узнав о поимке шпиона, Грозный выехал из Вологды в столицу и занялся «розыском измены». Следствие обнаружило отсутствие каких бы то ни было серьезных оснований для обвинения земских бояр в государственной измене. Спустя два месяца царь доверительно рассказал английскому послу Дженкинсону, что сначала он страшно разгневался на бояр, но потом решил не придавать никакого значения козням польского короля, желавшего возбудить подозрения и «вызвать обвинение различных его сановников в измене». Грозный не без оснований заключил, что автором изменнических писем к его боярам был эмигрант Курбский.

Полемика с Курбским, так взволновавшая царя накануне опричнины, оборвалась очень быстро. Теперь возникла возможность продолжить спор, и царь не захотел ее упустить. Он велел земским боярам писать ответ на тайные литовские грамоты и, по-видимому, сам приложил руку к их составлению. В посланиях прозвучали излюбленные идеи царя о происхождении московской династии от кесаря Августа, о божественной природе самодержавной власти наследственных, а не выборных московских государей. Главные бояре притворно согла-

шались принять литовское подданство и иронически предлагали королю поделить между ними всю Литву, чтобы затем вместе с королем перейти под власть «великого государя его царьского вольного самодержжства», а уж Иван Васильевич «оборонит» их всех от турок и татар.

Без участия царя составлена была только грамота, подписанная Федоровым-Челяднинным. Конюший избегал бранных выражений, которыми пестрели письма других бояр, и саркастически высмеивал попытки литовских панов вмешаться в русские дела. «Вам, пане, — писал он, — впору управиться со своим местечком, а не с Московским царством».

Обмен ругательными посланиями, кажется, не удовлетворил Грозного. Он решил отпустить в Литву лазутчика и через него на словах передать королю все, что осталось недосказанным в письмах. Но лазутчику не суждено было вернуться в Литву. Нечаянным нападением литовцы разгромили рать воеводы Петра Серебряного в 70 верстах от Полоцка. Поражение земских воевод произвело в Москве тягостное впечатление. От заносчивого настроения, сквозившего в «боярских» посланиях, не осталось и следа. Царь утратил интерес к бранчливой переписке с королем и, отложив перо, взялся за меч для вразумления соседа. Язвительные ответы так и не были отосланы литовцам, а лазутчика посадили на кол.

Опричная дума вернулась к прежним насильственным методам правления страной, но в ее политике наметились признаки неуверенности и слабости. Неосторожными и двусмысленными речами в Кириллове царь дал богатую пищу для всевозможных толков, ободривших оппозицию. Всем памятно было первое отречение Грозного, и потому главным предметом споров в земщине стал вопрос, кто займет трон в случае, если царь оденется в монашескую рясу. Противники царя не желали видеть на троне 13-летнего наследника царевича Ивана, при котором отец мог в любой момент вновь взять бразды правления в свои руки. После наследника наибольшими правами на престол обладал Владимир Андреевич, внук Ивана III. Этот слабовольный и недалекий человек казался боярам при-

емлемым кандидатом. Они рассчитывали при нем вернуть себе прежнее влияние на дела государства.

Иван IV давно не доверял брату и пытался надежно оградить себя от его интриг. Он заточил в монастырь его волевою и энергичную мать, отобрал у брата родовое Старицкое княжество. Родственники княгини Евфросиньи были изгнаны из Боярской думы. Один из них, боярин Петр Щенятев, ушел в монастырь, но его забрали оттуда и заживо поджарили на большой железной сковороде. Боярина Ивана Куракина постригли в монахи, Петра Куракина сослали на восточную окраину. Не случайно именно этих бояр летописные приписки изображали самыми решительными заговорщиками.

Опричные гонения покончили с партией сторонников Старицкого в Боярской думе. Теперь князь Владимир еще меньше, чем прежде, мог добиться царского титула при поддержке одних только своих приверженцев. В большей мере судьба короны зависела от влиятельного боярства, возглавлявшего земщину. В периоды междоусобиц управление осуществляла дума, представителями которой выступали старшие бояре думы — конюшие. По традиции конюшие становились местоблюстителями до вступления на трон нового государя. Не мудрено, что раздор между царем и боярами и слухи о возможном пострижении государя не только вызвали призрак династического кризиса, но и поставили в центр борьбы фигуру конюшего Челяднина-Федорова. Благодаря многочисленным соглашениям Грозный знал о настроениях земщины и о нежелательных толках в думе. В свое время он сам велел включить в официальную летопись подробный рассказ о заговоре бояр в пользу князя Владимира, который завершался многозначительной фразой: «И оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Ондреевича, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость». После Земского собора «смута и мятеж в боярех» приобрели более грозный, чем прежде, размах. Опасность смуты носила, видимо, реальный характер, поскольку опричная политика возбудила общее недовольство.

Слухи о заговоре в земщине не на шутку пугали царя Ивана, и он стал подумывать об отъезде с семьей за границу. Подобные мысли приходили ему на ум и прежде, но теперь он перенес дело на практическую почву. В первых числах сентября 1567 г. Грозный вызвал в опричный дворец английского посланника Дженкинсона. Свидание окружено было глубокой тайной. Посол явился переодетым в русское платье. Его проводили в царские покои потайным ходом. Из всех советников Грозного один только Афанасий Вяземский присутствовал на секретном совещании. Поручения царя к английской королеве были столь необычны, а их разглашение чревато такими осложнениями, что посланнику запретили делать хоть какие-нибудь записи. Царь приказал Дженкинсону устно передать королеве «великие дела тайные», но посланник ослушался и по возвращении в Лондон составил письменный отчет о беседе с царем. Как следует из отчета, царь просил королеву предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей семьи... пока беда не минует, Бог не устроит иначе». Грозный не желал ронять свое достоинство и настаивал на том, чтобы договор о предоставлении убежища носил обоюдный характер, но дипломатическая форма соглашения не могла никого обмануть. Несколько лет спустя царь напомнил англичанам о своем обращении к ним и сказал, что поводом к этому шагу было верное предвидение им изменчивого и опасного положения государей, которые наравне с низшими людьми «подвержены переворотам».

Тайные переговоры с английским двором недолго оставались секретом. Благодаря частым поездкам английских купцов в Россию слухи о них проникли в столицу. В провинции они приобрели и вовсе фантастический характер. Псковский летописец записал, что некий злой волхв (английский еретик) подучил царя избить еще уцелевших бояр и бежать в «аглинскую землю». Малодушие Грозного вызвало замешательство опричников, понимавших, какая судьба им уготована в случае его бегства. Земские служилые люди, жаждавшие упразднения опричнины, охотно верили любым благоприятным слухам.

Между тем Грозный занят был своими военными планами. С наступлением осени он собрал все военные силы для нового вторжения в Ливонию. Поход начался, как вдруг царь отменил его и на перекладных помчался в Москву. Причиной внезапного отъезда было известие о заговоре в земщине.

Сведения о заговоре противоречивы и запутанны. Многие современники знали о нем понаслышке. Но только двое — Генрих Штаден и Альберт Шлихтинг — были очевидцами.

Штаден несколько лет служил переводчиком в одном из земских приказов, лично знал главу «заговора» конюшего Челяднина и пользовался его расположением. Осведомленность его относительно настроений земщины не вызывает сомнений. По словам Штадена, у земских лопнуло терпение, они решили избрать на трон князя Владимира Андреевича, а царя с его опричниками истребить и даже скрепили свой союз особой записью, но князь Владимир сам открыл царю заговор и все, что замыслили и готовили земские.

Шлихтинг, подобно Штадену, также служил переводчиком, но не в приказе, а в доме у личного медика царя. Вместе со своим господином он посещал опричный дворец и как переводчик участвовал в беседах доктора с Афанасием Вяземским, непосредственно руководившим расследованием заговора. Шлихтинг располагал самой обширной информацией, но он, дважды касаясь вопроса о земском заговоре, дал две взаимоисключающие версии происшествия. В своей записке, озаглавленной «Новости», он изобразил Челяднина злонамеренным заговорщиком, а в более подробном «Сказании» назвал его жертвой тирана, не повинной даже в дурных помыслах.

Историки заимствовали из писаний Шлихтинга либо одну, либо другую версию в зависимости от своей оценки опричнины. Какой же из них следует отдать предпочтение? Ответить на этот вопрос можно лишь после исследования обстоятельств, побудивших Шлихтинга взяться за перо. Свои «Новости» беглец продиктовал сразу после перехода русско-литовской границы. Он кратко изложил наиболее важные из известных ему

сведений фактического порядка. Все это придает источнику особую ценность. «Сказания» были написаны автором позже по прямому заданию польского правительства.

Войтех (Альберт) Шлихтинг был польским шляхтичем из известной дворянской фамилии. Он служил в войсках Сигизмунда II и попал в плен к русским в 1564 г. С 1568 г. он попал в опричнину как слуга лейб-медика.

Происхождение Шлихтинга помогло ему завоевать доверие польских властей. Оценив осведомленность шляхтича насчет московских дел, королевские чиновники решили использовать его знания в дипломатических акциях против России.

Папа римский направил к царю посла с целью склонить его к войне с турками. Король задержал папского посла в Варшаве и, чтобы отбить у него охоту к поездке в Москву, велел вручить ему «Сказания» Шлихтинга. Памфлет был переслан затем в Рим и произвел там сильное впечатление. Папа велел немедленно прервать дипломатические сношения с московским тираном. Оплаченное королевским золотом сочинение Шлихтинга попало в цель. В соответствии с полученным заданием Шлихтинг всячески чернил царя и не останавливался перед прямой клеветой. В «Сказаниях» он сознательно фальсифицировал известные ему факты о заговоре Челяднина. Но, не желая вовсе жертвовать истиной, Шлихтинг незаметно для посторонних глаз попытался опровергнуть собственную ложь. При описании новгородского погрома он мимоходом бросил многозначительную фразу: «И если бы польский король не вернулся из Радошкович и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено». Это замечание, рассчитанное на невнимательного читателя, не имело никакого отношения к новгородскому походу, зато оно непосредственно касалось заговора Челяднина.

Осенью 1567 г. польский король Сигизмунд II собрал в белорусском местечке Радошковичи большую армию. Едва ли он рассчитывал разгромить царское войско в большом сражении. Литовские лазутчики доносили, что трон царя шаток, а

недовольство бояр велико. Военная демонстрация на границе могла подтолкнуть к решительным действиям тех, кто не желал более терпеть опричные беззакония.

Слова Шлихтинга неопровержимо доказывают, что и в «Сказаниях» он не отступил от первоначальной версии о заговоре в земщине.

Историки давно занимал вопрос: мнимые или подлинные заговоры лежали у истоков опричного террора? Два современника, непосредственных очевидца событий, единодушно, как теперь выяснено, свидетельствовали в пользу подлинности заговора. Но можно ли доверять их словам? Не следует ли прежде выяснить, какими источниками информации пользовались эти очевидцы? Ответить на поставленный вопрос не так уж и трудно. И Шлихтинг, и Штаден служили в опричнине и черпали сведения в опричных кругах, где взгляд на события был подчинен предвзятой и сугубо официозной точке зрения.

Опричные судьи утверждали, будто заговорщики подписали письменный контракт или договор. Однако в определении содержания «контракта» свидетели расходились. По Штадену, недовольные намеревались посадить на трон князя Владимира Андреевича. Шлихтинг утверждал, что бояре заключили договор с целью выдачи Ивана IV королю. Подробности насчет того, что Старицкий, Бельский и Мстиславский посетили Федорова и взяли у него списки заговорщиков, относятся, по-видимому, к области вымыслов. Названные лица находились в разных местах.

Неофициальная летопись земского происхождения сообщала иную версию. Ее авторы в отличие от опричников утверждали, что форменного заговора в земщине не было, что вина земцев сводилась к неосторожным разговорам: недовольные земские люди «уклонялись» в сторону князя Владимира Андреевича, лихие люди выдали их речи царю и недовольные «по грехом словесы своими, погибоша».

Выяснить, где кончались крамольные речи и начинался подлинный заговор, никогда не удастся. Историк в состоянии

воссоздать ход событий лишь предположительно. Недовольные исчерпали легальные возможности борьбы с опричниной. Преследования убедили их, что царь не намерен отменить опричный режим. Тогда они втайне стали обсуждать вопрос о замене Грозного на троне. Рано или поздно противники царя должны были посвятить в свои планы единственного претендента, обладавшего законными правами на трон, князя Владимира Андреевича. Последний, оказавшись в двусмысленном положении, попытался спастись.

Иван IV тщательно готовился к военной кампании, которая должна была решить судьбу Ливонии. Появление крупной неприятельской армии у него на фланге расстроило все планы. Донос Старицкого окончательно осложнил ситуацию.

Во время похода в Ливонию князь передал царю разговоры, которые вели в его присутствии недовольные бояре. Царь увидел в его словах непосредственную для себя угрозу, начало боярской крамолы, которой он боялся и давно ждал. Вероятно, показания князя Владимира не отличались большой определенностью и не могли служить достаточным основанием для обвинения Челяднина. Популярность конюшего в думе и в столице была очень велика, и Иван решился отдать приказ о его казни только через год после «раскрытия» заговора.

По свидетельству Шлихтинга, князь Владимир помог опричникам заполучить список участников заговора якобы из рук самого Федорова-Челяднина. Более вероятно, что список был составлен на Пыточном дворе в опричнине. В ходе начавшегося розыска опричники взыскали с конюшего огромную денежную контрибуцию и сослали его в Коломну. Многие его «сообщники» были тотчас же казнены. Начался трехлетний период кровавого опричного террора. Под тяжестью террора умолкли московские летописи. Грозный затребовал к себе в Слободу текущие летописные записи и черновики и, по-видимому, не вернул их Посольскому приказу. Опричнина положила конец культурной традиции, имевшей многовековую историю. Следы русского летописания затерялись в опричной Александровской слободе.